

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЕ КОНТАКТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ (ПО ДАННЫМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 2023 Г.)

Глеб Петрович Пилипенко

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: glebpilipenko@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5422-0039

Аннотация

В статье представлены первые результаты экспедиции, проводившейся в июне 2023 г. в Хорольском и Черниговском районах Приморского края среди потомков переселенцев с украинских и белорусских земель. Целью экспедиционного обследования была фиксация речи носителей диалектов украинского и белорусского языков, изучение функционирования диалектов в условиях контактов с близкородственным русским языком, выявление сохранности элементов традиционной народной культуры. Основная проблема, с которой пришлось столкнуться при сборе диалектных текстов, была связана с затруднениями у информантов при попытке исследователей записать спонтанную диалектную речь. Реликтов белорусских диалектов в данной экспедиции обнаружено не было. Воспроизведенные цельные фрагменты на украинском языке были записаны в случаях цитирования высказываний старших родственников, при воспоминаниях о детстве и в фольклорных текстах. В статье приводятся некоторые расшифрованные записи, отмечаются фонетические и морфологические особенности, анализируются отдельные лексические единицы. Представлены нарративы на следующие темы: языковая ситуация среди переселенцев на микро- и на макроуровне, металингвистические наблюдения, рассказы о местной топонимике, этнических прозвищах. Помимо аудиозаписей анализируется и письменный источник на русском языке с диалектными элементами украинского языка — история образования села Хороль. В данном тексте обнаруживаются все отмеченные в устной речи информантов лингвистические особенности. Кроме того, он содержит в себе ценные сведения о повседневных занятиях первых переселенцев, праздниках, обычаях, контактах с иноэтническими соседями. В перспективе планируется работа над расшифровкой всего корпуса записанных текстов для их публикации и анализа, а также публикация обнаруженного письменного источника о селе Хороль.

Ключевые слова

Диалект, Приморский край, экспедиция, нарратив, русский язык, украинский язык, белорусский язык

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2023 г.

Статья доработана автором 16 октября 2023 г.

Статья принята в печать 9 ноября 2023 г.

Цитирование: *Пилипенко Г.П.* Восточнославянское контактное взаимодействие в Приморском крае (по данным лингвистической экспедиции 2023 г.). Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 3–4. С. 170–184. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.11>

EAST SLAVIC CONTACT INTERACTION IN PRIMORSKY KRAI (ACCORDING TO THE LINGUISTIC EXPEDITION OF 2023)

Gleb P. Pilipenko

Ph. D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: glebpilipenko@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5422-0039

Abstract

The paper presents the first results of the field research carried out in June 2023 in the Khorol and Chernigov districts of Primorsky Krai of Russia among the descendants of immigrants from Ukrainian and Belarusian lands. The purpose of the expedition survey was to record the speech of dialect speakers of the Ukrainian and Belarusian languages, to study the functioning of dialects in contact with closely related Russian language, to identify the preservation of traditional folk culture. The main problem during field research was related to the difficulties of informants when trying to record spontaneous dialect speech. Relics of Belarusian dialects were not found in this expedition. The utterances in Ukrainian were recorded in cases of quoting speech of older relatives, in memories about childhood and in folklore. The paper presents some transcribed texts, reveals phonetic and morphological features, analyzes individual lexical units. Narratives on the following topics are presented: the linguistic situation among migrants at the micro and macro levels, metalanguage observations, stories about local place names and ethnic nicknames. In addition to audio recordings, a written source is analyzed, the history of the formation of the Khorol village, written in Russian with Ukrainian dialect items. This text reveals all the linguistic features noted in the oral speech of the informants. Moreover, it contains valuable information about the daily activities of the first settlers, about their holidays, customs, contacts with neighbors of different ethnicity. In the future, it is planned to work on transcribing the entire corpus of recorded texts for their publication and analysis, as well as to publish a written history of the village of Khorol.

Keywords

Dialect, Primorsky Krai, field research, narrative, Russian language, Ukrainian language, Belarusian language

Received 20 September 2023

Revised 16 October 2023

Accepted 9 November 2023

For citation: Pilipenko, G.P., 2023. Vostochnoslavianskoe kontaktnoe vzaimodeistvie v Primorskom krae (po dannym lingvisticheskoi ekspeditsii 2023 g.) [East Slavic Contact Interaction in Primorsky Krai (According to the Linguistic Expedition of 2023)]. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (3–4), pp. 170–184. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.11>

С 19-го по 23 июня 2023 г. старший научный сотрудник Отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН к.ф.н. Г.П. Пилипенко проводил полевое исследование в Приморском крае среди потомков переселенцев, приехавших в конце XIX — начале XX в. из Полтавской и Черниговской губерний Российской империи в рамках политики заселения новых областей. 19-го и 21 июня Г.П. Пилипенко работал совместно с младшим научным сотрудником Отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН к.и.н. И.В. Стрельцовой¹. Экспедиция проходила в с. Реттиховка в Черниговском районе, с. Хороль в Хорольском районе, г. Усурийске и г. Владивостоке². Целью экспедиции было выяснить, насколько еще употребляется в повседневной жизни исходный диалект переселенцев (диалекты белорусского и украинского языков), как проходила языковая адаптация в новом окружении, какие элементы материальной и духовной традиционной культуры сохраняются в жизни информантов. Главной задачей было побудить информантов к использованию диалекта. Всего было опрошено десять информантов среднего и старшего возраста, записано более десяти часов материала. Самому пожилому собеседнику на момент проведения интервью было 92 года.

Население приморских земель формируется в результате поощрения крестьянского переселения из европейской части Российской империи в конце XIX — начале XX в. Большой удельный вес составляли выходцы из губерний с украинским и белорусским населением — из Киевской, Черниговской, Полтавской, Могилевской, Минской и т. д.³ В том числе большое значение имела реформа Столыпина по привлечению крестьян на новые приграничные территории. Переселенцы, оказавшись в новом окружении, селились компактно, зачастую названия населенных пунктов на новых землях выбирались с учетом названий тех мест, откуда были родом первопоселенцы (например, Черниговка, Хороль, Полтавка, Киевка).

Полевые исследования, проводившиеся среди славянских переселенцев в странах Южной Америки, а также на Балканах⁴, показывают, что сохран-

¹ См. обзор экспедиции: *Стрельцова И.В.* Этнокультурные традиции потомков украинских переселенцев на юге Дальнего Востока России: обзор этнолингвистической экспедиции. *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2023. Т. 18. № 3–4. С. 155–169.

² Автор выражает благодарность за помощь в проведении экспедиции к. и. н. Г.Г. Ермак, к. ф. н. Т.И. Петровой, к. ф. н. О.П. Кормазиной.

³ *Прилико Н.П.* Українська мова в Сибіру та на Далекому Сході. *Українська мова. Енциклопедія / співголова В. М. Русанівський та ін.* Київ: Українська енциклопедія, 2004. С. 732; *Стрельцова И.В.* Костюм украинцев и белорусов в Приморье: адаптация и трансформация этнокультурных традиций (конец XIX — начало XXI в.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2022. С. 33–53.

⁴ См. работы: *Пилипенко Г.П.* Экспедиция к славянам в Южную Америку. *Славянский альманах*. 2018. № 1–2. С. 289–300; *Pilipenko G.* The Ukrainian Language in Argentina and Paraguay as an Identity Marker. *Slověne*. 2018. № 1. P. 281–307; *Пилипенко Г.П.* Украина-

ность славянских переселенческих островных диалектов может варьироваться от полноценной языковой компетенции до весьма редуцированного языкового репертуара. Во всех случаях речь шла также о представителях старшего, в меньшей степени — среднего поколения изучаемой группы. На примере потомков переселенцев с родными украинскими и белорусскими диалектами было решено проследить, в какой степени еще сохраняется исходная диалектная система, долгое время находящаяся в контактной ситуации с близкородственным русским языковым окружением. Предполагалось, что в подобных условиях будет быстрее происходить размывание диалектного разнообразия, образование гибридных форм (ввиду сходства лингвистических структур), вытеснение диалектов на периферию языкового репертуара индивида. Тем не менее, исследования, проведенные в других дальневосточных регионах среди потомков переселенцев, показали, что существуют три степени сохранности, а украинскую речь до сих пор можно услышать от информантов⁵.

Полноценные диалектные исследования украинской и белорусской речи в обследованном регионе до сих пор не производились. Исключением здесь является описание отдельных аспектов украинских говоров в немногочисленных работах 1960–1980-х гг.⁶ Из недавних работ по исследованию русской речи жителей Приморского края можно назвать сборники устных текстов, собранные в разных районах Приморского края, а также в самом Владивостоке⁷. В них, тем не менее, можно обнаружить реликты исходной языковой системы, например, специально отмечается фрикативный [γ], специфическая лексика, вариативность глагольного окончания в 3 л. мн. ч. [т'] – [т]: «Отвалы значи[т'] это вот / допустим [γ]де-то низина и машины значи[т'] увозят и / все это сбрасывают»⁸.

ские тексты из Боснии и Герцеговины. Исследования по славянской диалектологии. Выпуск 23. Памяти Людмилы Эдуардовны Калынь / отв. ред. А.Ф. Журавлев. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2021. С. 216–228. <https://doi.org/10.31168/2618-8589.2021.23.17>

⁵ См. подробнее: *Блохинская А.В.* Русско-украинское взаимодействие в русских говорах Приамурья (на материале речи жителей Октябрьского района Амурской области): дис. ... к. ф. н. Благовещенск, 2014.

⁶ См. работы: *Назарова Т.В.* Українські говірки на Далекому Сході. Мовознавство. 1967. № 2. С. 43–52; *Добрянская Л.Н.* Украинские говоры в центральной части Приморского края (к проблеме русско-украинского лексического взаимодействия). Структура і розвиток українських говорів на сучасному етапі. IV Республіканська нарада. Тези доповідей та повідомлень / ред. кол. М.В. Никончук та ін. Житомир: В.б., 1983. С. 20–30; *Она же.* Лексико-семантические процессы в говорах Приморского края (к проблеме русско-украинского лексического взаимодействия). Народные говоры Дальнего Востока: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Л.Ф. Путьгина. Хабаровск: ГПИ, 1989. С. 49–60.

⁷ Живая речь дальневосточников / отв. ред. Н.С. Миянчук. Владивосток: ДВФУ, 2013; Живая речь приморцев. Материалы полевой экспедиции 2016 / отв. ред. Т.И. Петрова, О.П. Кормазина. Владивосток: ДВФУ, 2016; Живая речь приморцев в рассказах-воспоминаниях / отв. ред. Т.И. Петрова. Владивосток: ДВФУ, 2023.

⁸ Живая речь приморцев в рассказах-воспоминаниях... С. 17.

Самой большой проблемой было определить, какие информанты способны произносить связанную речь на изучаемых нами диалектах, а какие помнят лишь отдельные фразы, учитывая тот факт, что мы имеем дело с третьим — четвертым поколением потомков тех, кто переселился в Приморский край (ср. похожие затруднения при изучении языка пихтинских голендров⁹). Причем зачастую те информанты, кто может активно производить диалектные высказывания, и те, кто помнит лишь отдельные лексемы, могут иметь одинаковые социальные и возрастные характеристики. Прежде всего мы ориентировались на тех, кто большую часть жизнь прожил в сельской местности, в окружении соседей — потомков переселенцев, и занимался сельским трудом либо ведением домашнего хозяйства. Отметим важную характеристику: все наши собеседники — женщины. Молодые информанты, которые нам встретились, обладают рецептивной способностью, могут понимать диалект, но сами не говорят на нем. Среди наших информантов оказались также представители первого поколения переселенцев, однако переселились они уже после Великой отечественной войны с Украины в конце 1940-х гг., что для нашего исследования является весьма интересным, поскольку на их примере можно сконструировать условия, как происходила языковая адаптация первого поколения переселенцев раннего периода миграции, которых уже давно нет в живых.

В селе Ретиховка нам удалось пообщаться с местной жительницей А. А. 1931 г. р. Она происходит из семьи переселенцев бывшей Волынской губернии, современное село Троянов в Житомирской области Украины. Данная территория входит в зону распространения волынского диалекта юго-западного наречия украинского языка, однако расположена также вблизи от границ со среднепопелескими говорами северного наречия и с днепровскими говорами. Ниже мы публикуем избранные места из интервью с собеседницей. В квадратных скобках помещены диалектные фонетические и лексические особенности в фонетической записи¹⁰. Отдельные русские разговорные особенности передаются в упрощенной записи: *када* (когда), *токо* (только), *шесть* (шесть), *есь* (есть), *ё* (её), *тада* (тогда), *щас* (сейчас), *чё* (что) и некоторые другие. В некоторых случаях отмечается место ударения.

Записанные нарративы показательны с точки зрения характеристики языковой ситуации. В частности, собеседница говорит, что в школе все обучение происходило на русском языке, а украинский был языком общения внутри семьи. Кроме того, А. А. сама комментирует собственную языковую компетенцию и рассказывает историю о том, как другие собеседники по ее речи определяли ее как носителя украинского языка. В семье А. А. отец и все родственники по отцовской линии — потомки переселенцев с Украины,

⁹ *Скорвид С.С.* Говор сибирских голендров по материалам экспедиции 2015 г. Словене, 2021. № 1. С. 427. <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2021.10.1.19>

¹⁰ Транскрибированные фрагменты, заключенные в квадратные скобки, даны в фонетической записи на основе русской графики с добавлением знака *у*.

тогда как мать — из русских переселенцев. А. А. также комментирует смешанную языковую ситуацию в собственной семье и говорит, что мать понимала по-украински и как-то могла говорить. Дочь А. А. Л. П. отмечает, что в речи матери происходят переключения с русского на украинский язык.

[1] Чисто по-русски, мама, так, а папа на чисто украинском языке, а бабушка, папина мама, а[γ]а, то той Я[ры]ны сын, э, И[γ]нат, вот это женился был, э, и вот этого его был сын, И[γ]нат. Женился на бабушке, она тоже Анна, как я, тоже с Украи́ны, а я адрес знаю, Житомирская область, Трояновский район, [мэ^мстэ́чко Тройа́ново]. Там, вот у нас село Реттьхо[ў]ка, село там еще какое-то, а там [мыстэ́чко]. От я писала када письма... потом же уже эти [ў]се поумирали, а бабушка дол[γо]. [Мэн'и] уже [тры]дцать шесть лет было, када бабушка умерла. Она [γ]орила на чисто [вукра́йнскѣм], чисто. Ну любое вот слово скажи, я [ты]бе переведу. Ну от, например, разве, разве, бабушка [γ]рила, [х'иба́]. [Х'иба́ цэ так], разве так можно делать? А бабушка [γ]рила: «[Х'иба́ так мо́жна робы́ты]?» Вот. И папа, па[пын] брат был, один умер, один у Михайло[ў]ке, а эти в Реттихо[ўк'и], так и дожили, чисто, эти [вукра́йнцы]. Ну я, конечно, [в]училась на русском языке, но всё равно вот про-проска́льзуют... Ну [в'и́кнѣ, цэ в'и́кнѣ], это окно, [цэ в'и́кнѣ], оно похоже, токо оно как-то, знаешь от, язык ломаешь, а[γ]а. Ну [шо ты нарабы́ў], [ш]о ты наделал, [ш]о сделал или [ш]о ты наделал, [шо ты нарабы́ў]. (А. А.)

[2] И час по-украински, чѣ-небудь [γ]оворит-[γ]оворит русская речь, а потом начнѣт, по-украински [γ]оворит. Я [γ]рю: «Чѣ ты переходишь на украинский?» (Л. П.)

[3] Мама понимала наш украинский ... и я зашла и подаю документы ... и я так раз[γ]оварюю всё по-русски с ней так, она напротив сидит, а[γ]а, по[γ]оворила, документы отдала, а мы с ей ровесницы, а она потом это, [γ]орит, ну: «Неудобно спросить тебя, э, ты хохлушка?» А[γ]а, я [γ]лаза выпучила: «А ты, [γ]рю, откуда знаешь». «Ну у вас акцент украинский», понимаешь. Как я ни [γ]оворю, вот, а всё равно вот акцент этот есь. Вот украинский и всё... И всё равно как ты ни [γ]овори, а вот, надо что [γ]оворить, а все [γ]рю [ш]о. Што-о, это [ш]о-[то] уже мне язык ломать, а[γ]а, [ш]о это зна[чи] хорошо (А. А.)

[4] Бабушка все[γ]да [γ]оворы́ла: «Буду сады́т барабо́л'у»... ну папа [ў]се[γ]да [сады́ў: «П'иду сады́ты барабо́л'у»]. Папа по-украински чисто [γ]оворил. Мама по-украински редко када, [ў]от папы научилась, сама чисто русская, а папа — [барабо́л'а] (А. А.)

[5] И вот Боря, с Петькой мы почти [ш]о ровесни[кы], дак дрались, [хто коу́о], мно[γ]о ж нас, восемь было, а[γ]а. А Боря самый старший — это моя няня, ему было одиннадцать, када я роды́лася, ему на руки отдали меня... И он рассказывал про бабу Я[ры]ну, я спрашивала, я [γ]рю: «Боря, ты бабу Я[ры]ну [знав]?» «[Нэ, знав]!» Во так. У И[γ]ната, моего деда месяц побудет, а[γ]а: «[Васы́л' — забыра́й]». Рядом живет, у [коу́о] одиннадцать детей. [Вэ-зут' до Васы́л'а]. Тот месяц подержит, а[γ]а, в Михайловку не возили ё. [До Мыко́лы! До д'и́да тудá]. А[γ]а. И там месяц. Потом снова, уже зна[чыт']: «[Пры́езжай, Боря]». Даки Боря рассказывал: «Мы с Петей [возы́лы бабу ужэ

туда на м'исто]». Вот, [γ]рит, [побудэ] она [в нас]», и это Боря тоже по-русски как, [по-вукраийнск'и] как папа, мы всё это. «[Побудэ ў нас], и мы с Петей [садым йоо́] на-а, на теле[γ]у, зимой на сани или там на тележку, и [вызэм до], так, еще до кого-то». И внуков и всем. И так эту бабу Я[ры]ну [возылы-возылы], а потом у [Васыл'а] была Марья, она одиннадцать человек народила, вот, [в нэйи], она, туво, бабу Я[ры]ну в кладо[ў]ке [дыржа́ла], она даже в хате её не держала, вот. Сильно обижала. Потому [ш]о бабушка [γры]ла: «Я [прыхо́жу тудá, захо́жу, до] свекрови св[о]ей, [до] Я[ры]ны, она [пла́чэ, ийй Мары́йа] обижа[е], она [пла́чэ]», и [забыра́т'] тоже ж, у бабушки семь человек детей было. А[γ]а. А п[о]том [х]то-то еще пошел, п[о]-моему, кабы не мама. А мама была чисто плотная, такая знаешь, русская, ну мы все её считали барышней, мама барышня была. Не [такá йак] папа в лаптях, [γ]ол. Не-е... Мама, када зашла, баба Я[ры]на [лэжы́т'] в кладо[ў]ке и [пла́чэ]. И [γ]рит, мама скала ру[γ]аться, Марья, а[γ]а, э: «[Ч]ётка (sic!) Марья, Вы [ш]о ж делае[тэ з] Я[ры]ной, разве так можно?» Ну и мама вроде того что бабушку [хот'йлы] б, [ш]об или куда-то её определить или забрать, но она умерла там (А. А.)

Следующий тематический блок нарративов связан с топонимикой — версиями о происхождении названия села Реттиховка. А. А. и Л. П. представляют разные варианты того, как возникло название деревни.

[6] Реттихо[ў]ка названа, вот рядом Бу[йи]нкí, Бу[йа]нкí так, и там тоже была тай[γ]а, тай[γ]а так, как и здесь, все было зарóще все, и там поселился какой-то [от]куда-то тоже, тада вот это, приезжали с Украины, [ў]от, и искали вот эти места разные, его фамилия была Реттихо[ў], ой Артюхов! Ну а потом приехали сюда, там не знаю или фамилия была Буянко[ў] или чё, я не знаю, а када сюда приехали, вот, то тут тоже один был бо[γ]атый, мама рассказывала де [онó], де кончается линия там, у его было ну целое состояние, а[γ]а. И вот самый с Буянков, с этим общались, вот. И тот всё [γ]рил, шо я [Рэт'ихоў] был, Артюхов. Ну а тот зна[чыт'], [Рэт'ихоўка]. Не стал уже Артюховка или чё, ста[лы] [γ]оворить Ретьхо[ў]ка, поэтому [вона́] у нас названа Реттиховка. Я-то в [тры]дцать первом родíлась, а они сюда уже те [пры]езжали, папа и вот эта баба Я[ры]на, моя бабушка, приехала в десятом [γ]о́ду с четырьмя сынами, а те-то мо[жэ] [пры]ехали даже и в первом [γо]дú, а я через [тры]дцать лет родíлась. Конечно, мне уже [х]то-то рассказывал, [рос]сказывали вот так вот (А. А.)

[7] Ведь говорили, что чиновник по переселению, его фамилия была Реттих, в истории, от в истории Реттиховки. Там немец или [х]то он, по фамилии Реттих. И отсюда пошла Реттиховка (Л. П.)

Удалось записать также близлежащие топонимы и получить сведения о том, кто там проживает. Зафиксирован этноним *литвин* для жителей села Вассиановка, под которым следует понимать белорусов, несмотря на то что А. А. приводит название страны *Литва*¹¹. Информант отмечает, что их

¹¹ Однако в русских говорах *Литва* может иметь еще собирательное значение 'народ, народность', см.: *Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин. Л.: Наука, 1981. Т. 17. С. 71.*

речь другая, непохожа на то, как говорят русские. В «Словаре полесских говоров» находим следующее определение с пометой *стар.* (то есть характерно для старшего поколения): ‘літвін, літвіні, місцева застаріла назва білорусів’ (записано в Моложаве Городнянского района Черниговской области УССР, которое находится вблизи границы с Гомельской областью)¹².

[8] Знаете, Вассиановка, там в основном *литвини́*, *Литва*, понимаешь, потому [ш]о все [о]ткуда-то вот Вассиано[ў]ку населили *литвини́*, и все они какие-то, ну не русские какие-то. А сюда вот [γрэ^м]бное, тут тоже разные... В [γ]рибн[ым] там тоже разные. (А. А.)

В селе Хороль было записано интервью с тремя собеседницами, потомками первых переселенцев из Полтавской губернии (А. В. жен., 72 г., В. А. жен., 63 г., Г. Л., жен., 65 л.). Здесь представлены их наблюдения за языковой ситуацией как современной, так и их детства, метаязыковые высказывания. Сами участники беседы характеризуют свою речь как смешанную, состоящую из половины русских и украинских слов. Находим здесь и этноним *хохол*, функционирующий наряду с этнонимом *украинец*. В качестве иллюстрации украинской речи информанты приводят цитаты из диалогов со старшими родственниками. Показательно, что для этого исследователю пришлось самому стать инициатором такого перехода и произнести несколько фраз на привычном для них L1. Однако полноценных нарративов на украинском языке, которые выходили бы за рамки цитаций, записать не получилось. По всей видимости, для информантов употребление диалекта четко маркировано как код, который используется только внутри семьи и общины. Для подтверждения предположения о том, происходит ли общение в какой-то степени на украинском диалекте между членами общины, следует исключить участие исследователя интервью, либо сделать его присутствие малозаметным. В этом заключается сложность работы среди информантов данного региона. На прямую просьбу говорить на «своем» языке информанты чаще всего смущались, очень долго подбирали отдельные лексемы и сбивались с повествования.

[9] А. В.: Мы можем с В. А. по[γ]говорить по-украински (смех) между собой. Можем [ш]о-то по-украински сказать.

В. А.: И то, половина так, половина так. Половина того, половина этого.

Г. Л.: Мы в школе када учились, мы только на уроке по-русски разговаривали, на перемене мы все хохлы были.

А. В.: На перемене мы по-русски раз[γ]оваривали, а дома мы исключительно по-украински, нас обе семьи, как бы и па[пы]на и ма[мы]на [ўс’и] были украинцы. Мы были, собирались тётки, мы раз[γ]оваривали по-украински. У нас русского языка как такового не было... [казалы: «ўал’ко, ты куды п’ишла? ўал’ка, шо ты робыш? (смех) отак. Зробы ото шо. Д’ивчага, оцэ оц’о ваша работа. Оцэ мы] должны.

В. А.: [Нэ п’йдэтэ н’икуды ўул’ат’, йак цэ нэ зробітэ^м!].

¹² Ливенко П.С. Словник поліських говорів. Київ: Наукова думка, 1974. С. 116.

Что касается лингвистической характеристики зафиксированных диалектных фрагментов, то более продолжительные высказывания, не однословные, практически всегда — цитаты, воспроизводящие речь родственников, либо диалоги с ними.

Рассмотрим некоторые фонетические и морфологические особенности украинских диалектных высказываний. В русских высказываниях в вокализме периодически проскальзывает оканье, в цитатах и в тех коротких фрагментах, которые произносятся по-украински, практически всегда оканье, за исключением некоторых лексем, куда проникает редукция гласных: *цэ в'ікнѣ* (ср. укр. вікно); *шо ты нарабѣѣ* (укр. наробив) [1]; *оц'о ваша рабѣта* (укр. робота) [9]. Если в примере из беседы [9] можно предположить влияние русской лексемы (при наличии однокорневой украинской), то в примерах из [1] очевидно, что происходит перенос правил русской структуры безударного вокализма в украинские по происхождению лексемы (см. также в говорах потомков переселенцев в Приамурье¹³; несистемное спорадическое аканье отмечено в речи потомков переселенцев в Башкирии¹⁴). В позиции *i* по происхождению из **ѣ* находим [ы] и [ы³]: *мыстѣчко* (ср. укр. містечко) [1], что является вариативным произношением (находим также *м'исто*). В некоторых случаях встречаются твердые согласные в соответствии с русскими мягкими: *делае[тэ]* [5]; *Рэт'ихоѣ* [6]. Практически повсеместно происходит употребление фрикативного [γ], даже у представителей более молодого поколения (ср. [2] и [1, 3–8]) в одной семье. Для высказываний на украинском языке характерно также произношение [ы] на месте [э] в безударной позиции: *вызэм* (ср. укр. веземо); *дыржала* (укр. держала) [5]. Отмечено употребление [ѣ]. Фиксируется протетический *в-* в следующих примерах: *вукраїцѣы; вучилась* [1]. Для глаголов *и-*спряжения свойственно окончание [-т'] в 3 л. ед. ч., тогда как у глаголов *е-*спряжения находим окончание [э]: *лѣжыт'*; *плачэ* [5]. Отмечена и вариативность форм инфинитива: *γул'ат'*; *зробытѣ^в* [9]; *садыт'*; *садыты* [4]. Форма глаголов в 1 л. ед. ч. *захѣжу, прыхѣжу* [5] без чередования *д/дж*. В прошедшем времени форма глагола в 1 л. ед. ч. м. р. имеет окончание *-в* (*знав*), в 3 л. мн. ч. — *-лы* (*хот'илы*). Выявлено использование специфических форм местоимений: *вонá* (ж.р., им.п.); *ийі* (ж.р. вин.п.); *в нѣйи* (ж. р. род.п.); *йѣѣ* (м. р., род. п.) [5], а также форм вопросительных местоимений: *хто, шо*; указательных местоимений: *цэ, оц'э, оц'о* [9]. У существительных ж. р. отмечена звательная форма: *γал'ко!* [9]. Зафиксировано также использование предлога *до* для выражения направления к лицу, месту, предмету: *до Мѣколы* [5], и предлога *з* для выражения совместного действия: *з Я[ры]ной* [5]. В собственно рус-

¹³ Блохинская А.В. Русско-украинское взаимодействие... С. 130.

¹⁴ Ткачук М. Переселенська говірка с. Золотоношка в полідіалектному та полікультурному середовищі (фонетичні особливості). Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. 2018. Випуск 38. С. 34–35. [https://doi.org/10.31909/26168820.2018-\(38\)-5](https://doi.org/10.31909/26168820.2018-(38)-5)

ских высказываниях информанты употребляют и специфическую лексику, например, *барабол'а* [4]¹⁵; *хата* [5]. Некоторые антропонимы используются в украинской огласовке: *Васыл'*, *Ярына*, *Мыкола*, *Марыйа*.

К сожалению, получить записи от потомков белорусских переселенцев, которые бы содержали хотя бы элементы диалектной белорусской речи, нам не удалось. Даже в цитатах речи первых переселенцев не отмечено никакой стилизации, что может быть связано с более быстрой языковой адаптацией носителей белорусских говоров в доминантном русскоязычном окружении. Однако было записано свидетельство от дочери переселенца, в котором находим глагол, относящийся к метаязыковой характеристике, к тому, как воспринималась речь отца-белоруса. Информант А. Н. (жен., 73 г.) приводит глагол *рэпаць*, который, судя по контексту, имеет несколько пренебрежительное значение. По данным русских говоров южной группы глагол *рэпаць* имеет значение 'трескаться, лопаться, давать трещины', в Пермском крае отмечено значение 'петь с надрывом'¹⁶, в западно-полесских говорах у глагола *ripати* фиксируется значение 'відчиняти або зачиняти двері зі скрипучими звуками'¹⁷, в белорусских говорах *рыпець* означает 'скрипець'¹⁸; во всех приводимых значениях выделяется семантика треска, скрипа. В записанном нами варианте глагол имеет огласовку *рэпаць*, что дополнительно может характеризовать особенности произношения говорящего: отверждение *р* в белорусских говорах, ср. бел. *пераход*, *рэка*, рус. *переход*, *река*.

[10] Вот папа сюда приехал в двадцать девятом году, и у него на всю жизнь осталось, как я смеялась и говорила, *рэпаец*, ну вот так вот говорил, я не знаю, это мама говорила такое слово: «Да он не говорит, а *рэпаец*». Не наю почему, я так привыкла. Она про папу говорила. Посмеивалась над ним, над его колоритом, а мама нет, она говорила, как говорят на Дальнем Востоке. (А. Н.)

Помимо работы с информантами нас интересовали письменные источники, записи, дневники, письма, альбомы. За доступ к этим источникам выражаем огромную благодарность сотрудникам историко-краеведческого музея им. И.Д. Бронниковой в с. Хороль. В нашем распоряжении оказалась рукопись, состоящая из двадцати страниц, написанная от руки, под названием «Образование Хороля» (с пометой «в музей»), автор Екатерина Дмитриевна Козуб-Арнаут. В ней содержится история переселения, образования села, жизни в селе Хороль, сведения автор почерпнул из расска-

¹⁵ О распространении лексемы *бараболя* см.: Атлас української мови / ред. Я.В. Закревська. Київ: Наукова думка, 1988. Карта 325.

¹⁶ Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: Наука, 2001. Т. 35. С. 66.

¹⁷ Аркушин Г.Л. Словник західнополіських говірок. Луцьк: Вежа, 2000. Т. 2. С. 120.

¹⁸ Слоўнік беларускіх гаворах паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча / рэд. Ю.Ф. Мачкевіч. Мінск: Навука і тэхніка, 1984. Т. 4. С. 326.

зов старших родственников. Кроме того, в рукописи содержатся сведения о праздновании некоторых праздников, а также рецепты. Данная рукопись представляет большую ценность не только как исторический и фактографический документ, но и как лингвистический источник, поскольку содержит диалектные особенности, свойственные потомкам переселенцев в селе Хороль, а также является прекрасным образцом стиля «наивного диалектоносителя»¹⁹. К сожалению, точную дату создания рукописи нам не удалось узнать, можно предположить, что это 1980-е либо 1990-е гг. Приведем здесь лишь некоторые цитаты: «В 1891 году в марте м-ц с Полтавской обл. с Хорол выехали переселенцы и еще с разных сел с Катырыновки с Михайловки с лучек и т д, первые переселенцы поехали в Одессу а с Одессы погрузились со своим скорбом на пароход и поплыли на Дальний восток. Плыли 40 суток преплыли во Владивосток семей 50 говорил мой дедушка (1 стр.) ... Потом собрали сход и стали решать, как назвать сыло, но дедушка сказал, я к (sic!) нас бильше приехало с Хорола так ныхай буде Хороль так и работали работали очень много (стр. 6) ... В 1905 году стали решать как и где построить церковь все делали гуртом где сейчас музей там была церковь (стр. 8) ... Вот я напишу вам еще про пост. Сейчас много говорят, что надо поститься раньше там постились ... а потом начинается праздник Рождество режут кабана или чушку и колбасы и окорки запекают в русской печке (19 стр.) ... А еще напишу какой хлеб пекли хороший вкусный высокий мягкий кушали и хочется а борщ какой варили хахлы вы такого никогда не ели (20 стр.)».

Приводимые отрывки из рукописи позволяют сделать выводы, что на письменную речь автора оказывал влияние украинский диалект тех мест, откуда родом старшие родственники — бывшая Полтавская губерния. Здесь мы сталкиваемся с передачей на письме отсутствия палатализации перед гласными [и], [э] (*Катырыновки, сыло*). В тех же примерах, а также в слове *ныхай* очевидно, что в безударной позиции не происходит различение звуков [ы] и [э], во всех случаях пишется *ы*. В некоторых примерах отражается на письме аканье: *параход, хахлы*. Обращает на себя внимание окончание глаголов в 3 л. мн. ч. на *-ть (говорять)*, которое употребляется параллельно с преобладающим вариантом *-т (запекают)*. Предлог *с* функционирует в соответствии с русским литературным предлогом *из* (например, *с Одессы, с Хорола, с Михайловки*). Приведенные выше примеры воспроизводят все же отдельные диалектные лексемы и конструкции. Однако в тексте находим более протяженный фрагмент, воспроизводящий украинский говор дедушки информанта. При цитировании речи своего дедушки автор рукописи включает высказывание, которое одновременно поясняет происхождение название села: *я к нас бильше приехало с Хорола так ныхай буде Хороль*.

¹⁹ Минаева А.П. «Наивная литература»: творчество и стереотипы. Традиционная культура. 2003. № 2 (10). С. 68–74.

Здесь мы находим предложение со сложным союзом (*як ... так*), а также форму повелительного наклонения от глагола «быть» в 3 л. ед. ч. (*ныхай буде*). При этом мы видим, что на письме твердость *p* и *d* в примерах *приехало* и *буде* соответственно не передается. Кроме того, в примере *приехало* мы находим написание *e* под ударением при ожидаемом *и* (ср. укр. *приїхало*). Фиксируется и специфическая лексика: *гуртом* (сообща, вместе).

С содержательной стороны приводимые фрагменты также представляют интерес. Здесь мы находим этнические прозвища, которые зачастую в обследуемом регионе функционируют как самоназвания (*хахлы*) и не имеют пренебрежительного отношения (ср. также в [9]). Также упоминается история миграции, перечислены населенные пункты исхода переселения, указан маршрут следования и его продолжительность, говорится об истории возникновения названия села Хороль, находим и особенности празднования некоторых календарных праздников (*Рождества*, наименование которого встретилось в такой форме, ср. укр. *Різдво*), а также записи кулинарных рецептов. Несколько избранных цитат из рукописи демонстрируют, что она содержит богатый лингвистический материал. В перспективе предполагается детально проанализировать текст источника, с этой целью планируется опубликовать рукопись целиком и снабдить ее необходимыми комментариями.

Записанный аудиоматериал будет полностью расшифрован, что позволит лучше понять вариативность выявленных и описанных в настоящей статье лингвистических явлений, принадлежащих разным языковым системам. Уникальным является то, что высказывания на диалекте актуализируются в ситуации цитирования речи старших родственников, в пересказах диалогов, а также в воспоминаниях о детстве (в частности, о детских играх). Планируется подробнее изучить механизмы подобных переходов. Зачастую сложно бывает атрибутировать переход, определить, какой языковой системе принадлежит тот или иной фрагмент и где проходит граница переключения. Как показывают приведенные фрагменты высказываний, при контактах близкородственных языков возникают гибридные формы. Кроме того, фольклорные тексты также воспроизводятся информантами на языке той области, откуда происходят их предки (например, песни, которые поют на свадьбе, детские колыбельные песни и т. д.). Предстоит также понять, имеет ли свои особенности записанная речь информантов по сравнению со смешанной речью тех, кто остался в материнском ареале, а также тех, кто проживает в переселенческих сообществах в других регионах России.

Сохранившиеся, пусть и в редуцированной форме, говоры переселенцев являются культурным достоянием. Они спустя более ста лет после миграций сохраняются в новом окружении на Дальнем Востоке и представляют интерес для лингвистических исследований из-за гибридных форм на всех языковых уровнях. Как результат исследования планируется публикация диалектных текстов.

Источники

- Аркушин Г.Л.* Словник західнополіських говірок. Луцьк: Вежа, 2000. Т. 2.
 Атлас української мови / ред. Я.В. Закревська. Київ: Наукова думка, 1988.
Ливенко П.С. Словник поліських говорів. Київ: Наукова думка, 1974.
 Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин. Л.: Наука, 1981. Т. 17.
 Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: Наука, 2001. Т. 35.
 Слоўнік беларускіх гаворах паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча / рэд. Ю.Ф. Мачкевіч. Мінск: Навука і техника, 1984. Т. 4.

Литература

- Блохинская А.В.* Русско-украинское взаимодействие в русских говорах Приамурья (на материале речи жителей Октябрьского района Амурской области): дис. ... к. ф. н. Благовещенск, 2014.
Добрянская Л.Н. Украинские говоры в центральной части Приморского края (к проблеме русско-украинского лексического взаимодействия). Структура і розвиток українських говорів на сучасному етапі. IV Республіканська нарада. Тези доповідей та повідомлень / ред. кол. М.В. Никончук та ін. Житомир: В.б., 1983. С. 20–30.
Добрянская Л.Н. Лексико-семантические процессы в говорах Приморского края (к проблеме русско-украинского лексического взаимодействия). Народные говоры Дальнего Востока: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Л.Ф. Путятин. Хабаровск: ГПИ, 1989. С. 49–60.
 Живая речь дальневосточников / отв. ред. Н.С. Милянчук. Владивосток: ДВФУ, 2013.
 Живая речь приморцев. Материалы полевой экспедиции 2016 / отв. ред. Т.И. Петрова, О.П. Кормазина. Владивосток: ДВФУ, 2016.
 Живая речь приморцев в рассказах-воспоминаниях / отв. ред. Т.И. Петрова. Владивосток: ДВФУ, 2023.
Минаева А.П. «Наивная литература»: творчество и стереотипы. Традиционная культура. 2003. № 2 (10). С. 68–74.
Назарова Т.В. Українські говірки на Далекому Сході. Мовознавство. 1967. № 2. С. 43–52.
Пилипенко Г.П. Экспедиция к славянам в Южную Америку. Славянский альманах. 2018. № 1–2. С. 289–300.
Пилипенко Г.П. Украинские тексты из Боснии и Герцеговины. Исследования по славянской диалектологии. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2021. Выпуск 23. Памяти Людмилы Эдуардовны Калынь / отв. ред. А.Ф. Журавлев. С. 216–228. <https://doi.org/10.31168/2618-8589.2021.23.17>
Прилишко Н.П. Українська мова в Сибіру та на Далекому Сході. Українська мова. Енциклопедія / співголова В.М. Русанівський та ін. Київ: Українська енциклопедія, 2004. С. 732.
Скорвид С.С. Говор сибирских голендров по материалам экспедиции 2015 г. // Словене. 2021. № 1. С. 425–449. <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2021.10.1.19>

- Стрельцова И.В. Костюм украинцев и белорусов в Приморье: адаптация и трансформация этнокультурных традиций (конец XIX — начало XXI в.): дис. ... к. и. н. Владивосток, 2022.
- Стрельцова И.В. Этнокультурные традиции потомков украинских переселенцев на юге Дальнего Востока России: обзор этнолингвистической экспедиции. Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 3–4. С. 155–169.
- Ткачук М. Переселенська говірка с. Золотоношка в полідіалектному та полікультурному середовищі (фонетичні особливості). Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. 2018. Випуск 38. С. 32–38. [https://doi.org/10.31909/26168820.2018-\(38\)-5](https://doi.org/10.31909/26168820.2018-(38)-5)
- Pilipenko G. The Ukrainian Language in Argentina and Paraguay as an Identity Marker. *Slověne*. 2018. № 1. P. 281–307.

References

- Blokhinskaia, A.V., 2014. *The Russian-Ukrainian interaction in the Russian dialects of the Amur region (based on the speech of the residents of Oktyabrsky district in Amur region)*. Dis. ... kand. filol. nauk. Blagoveshchensk. (In Russian)
- Dobrianskaia, L.N., 1983. Ukrainian dialect in the central part of Primorye (on the problem of the Russian-Ukrainian lexical interaction). In: M.V. Nikonchuk, ed, 1983. *Structure and development of the Ukrainian dialects on the contemporary stage. Theses of lectures and reports*. Zhytomyr: V.b., pp. 20–30. (In Russian)
- Dobrianskaia, L.N., 1989. Lexico-semantic procedure in the dialects of Primorye (on the problem of Russian-Ukrainian lexical interaction). In: L.F. Putiatina, ed, 1989. *Popular dialects of the Far East: interuniversity collection of scientific works*. Khabarovsk: GPI, pp. 49–60. (In Russian)
- Milianchuk, N.S., ed, 2013. *The live speech of the residents of the Far East*. Vladivostok: DVFU. (In Russian)
- Minaeva, A.P., 2003. “Naive literature”: creativity and stereotypes]. *Traditsionnaia kul'tura*, 2, pp. 68–74. (In Russian)
- Nazarova, T.V., 1967. The Ukrainian dialects of the Far East. *Movoznavstvo*, 2, pp. 43–52. (In Ukrainian)
- Petrova, T.I., Kormazina, O.P., eds, 2016. *The speech of the residents of Primorye. The data of 2016 field research*. Vladivostok: DVFU. (In Russian)
- Petrova, T.I., 2023. *The live speech of the residents of Primorye in stories and memories*. Vladivostok: DVFU. (In Russian)
- Pilipenko, G., 2018. The Ukrainian Language in Argentina and Paraguay as an Identity Marker. *Slověne*, 1, pp. 281–307.
- Pilipenko, G.P., 2018. Field research among Slavs in South America. *Slavic Almanac*, 1–2, pp. 289–300. (In Russian)
- Pilipenko, G.P., 2021. Ukrainian texts from Bosnia and Herzegovina. In: A.F. Zhuravlev, ed, 2021. *Studies on Slavic dialectology*. Moscow: In-t slavianovedeniia RAN. Issue 23: In memory of Lyudmila Eduardovna Kalnyn', pp. 216–228. <https://doi.org/10.31168/2618-8589.2021.23.17> (In Russian)

-
- Prylypko, N.P., 2004. The Ukrainian language in Siberia and the Far East. In: V.M. Rusanivs'kyi, et al., eds, 2004. *Ukrainian language. Encyclopedia*. Kiev: Ukraïns'ka entsyklopediia, p. 732. (In Ukrainian)
- Skorvid, S.S., 2021. The dialect of the Siberian Golenders based on the materials of the 2015 expedition. *Slověne*, 1, pp. 425-449. <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2021.10.1.19> (In Russian)
- Strel'tsova, I.V., 2022. *Costume of Ukrainians and Belarusians in Primorye: adaptation and transformation of ethno-cultural traditions (late XIX – early XXI century)*. Dis. ... kand. ist. nauk. Vladivostok. (In Russian)
- Strel'tsova, I.V., 2023. Ethnocultural traditions of descendants of Ukrainian immigrants in the South of the Russian Far East: ethnolinguistic expedition overview. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (3–4), pp. 155–169. (In Russian)
- Tkachuk, M., 2018. The migrant dialect of Zolotonoshka in a polydialect ta multicultural environment (phonetic features). *Scientific bulletin of the Izmil State University of Humanities*, 38, pp. 32–38. [https://doi.org/10.31909/26168820.2018-\(38\)-5](https://doi.org/10.31909/26168820.2018-(38)-5) (In Ukrainian)